

Утро в Новоспасском и вечер в Симонове

Из сочинений Николая Дмитриевича Иванчина-Писарева,
1840 год

Красивые окрестности Москвы, пленя чужеземца, хранят в себе двойную прелесть для русского: там виднеются ему памятники вековых испытаний и вековой славы отцов! Прекрасны виды Симонова, Андроникова, Коломенского и Воробьева с его гористыми скатами, на которых известная живописица, г-жа Лебрюн, долго стояла неподвижно, как очарованная; но для русского, повторяю, там есть особенный талисман — святыня воспоминаний.

Новоспасская обитель не уступит им в обоих отношениях. Венчая один из холмов Крутицы, ближайший к Москве, она приводит на память три периода наших государственных возрождений: время Иоанна Калиты, первого предумателя единовластия, как средства к обессилению монголов и к добытию державе твердой самостоятельности; время Иоанна III, совершителя этого вели-

кого замысла, и время не менее тяжкое, но зато и славное подвигами, в которое преврался ряд самозванцев, перестали нашествия, затихли крамолы, — время воцарения Романовых.

История обители начинается в 1330 году, во времена Ивана Даниловича, прозванного Калитою. Летописи именуют: «В лето 6838 (1330) мая в 10 день князь Великий заложил церковь каменную во имя св.Спаса Преображения близ сушу своего двора, и нарече быти ту монастырю... Древний же монастырь Даниловский и погост, и села, и все наследие вручи Великий князь архимандриту св.Спаса, да вкупе оба монастыря под единым началом устроятся. Монастырь же св.Спаса прибысть на царском дворе до лет Великого князя Ивана Васильевича».

Обитель располагалась у кремлевских великокняжеских сеней, близ которых еще

«Общий вид Новоспасского монастыря в Москве». 1790-е гг.

Гравюра Ф.И.Кампорези
по собственному рисунку

зеленел густой бор. Он назвал ее Спасо-Преображенскою, а народ – Спасом на бору.

При Иоанне III, когда художники Италии вознесли чудные здания у старых сеней Калиты и Донского, – и обитель Спаса, оставя свой Кремлевский храм с именем собора, перенеслась на это новое место; на край холма Крутицкого, который в XV веке назывался Васильевым станом, ибо там дважды стоял, мудрый, но несчастный Василий Темный, противясь то хану татарскому, то Шемяке в борьбе усобий. Государство и духовенство назвали ее Новоспасскою, а народ – Спасом на Новом.

Время длилось. Новоспасская обитель ветшала, но пришло время избранника Божия Михаила Романова и эта обитель, собравшая под свои помосты страдальцев его племени, стала восставать из запустения.

С такими-то воспоминаниями входил я в обитель Спаса на Новом и посещал ее храмы, полные святыни.

Главный храм, Преображения, есть двойной памятник: он построен сперва Иоанном III, свержителем ига восточных врагов; снова построен царем Михаилом, он означил конец тягчайших зол, ига врагов западных. Верный снимок с Успенского в Кремле (хотя и в меньшем размере), этот храм стоит на месте прежнего, над гробами прадеда, деда и матери царя, как священный мавзолей, как монумент любви сыновней.

Он был крупнейшим зданием того времени. Построение обоих храмов Преображения, старого и нового, отставало на многое время от их предначертания: Иоаннов построен уже в 1491-м и освящен в 1496-м, хотя обитель переведена из Кремля еще в 1462 или 1466 годах; Михайлов застроен уже в год его кончины в 1645-м, и довершен при сыне его царе Алексее в 1649-м, между тем как возобновленные стены обители уже обносили ее в 1642-м, и воздвигнутая патриархом Филаретом еще в 1620-м шатровая колокольня с боевыми часами дождалась главного храма 29 лет.

В преддверии собора меня остановила многосложная картина, которою испещрены своды: генеалогическое собрание лиц наших государей, называемое родословным древом. Они подтверждают предание, что в XVIII веке Новоспасская обитель называлась комнатною... Она получила это название не со времен только царя Михаила, а гораздо прежде: при перенесении обители иноческая братия, без сомнения, спросила Иоанна не лишать ее названия своей дворцовой или комнатной: этого требовали и справедливость и уважение Великого князя к памяти своего пращура. Хранение в ней останков Романовых, и особенно матери царя Михаила, должно было возобновить

это название. С тех пор стали ходить туда сами патриархи улаживать их память панихидным пением. Название монастыря комнатным утверждено было Указом и императрицею Елизаветою.

Я поклонился иконе Спасителя, Нерукотворенного Образа, некогда прославившей веру слепого прозрением, и украшенной усердием царя Алексея; поклонился храмовой, местной, Преображения Господня, дару царице Евдокии Лукьяновны... Поклонился и другим остаткам святыни после ляхов междоусурствия и французов 1812 года; подошел с вниманием любителя старины и с любовью русского, к двум портретам, в рост, царей Михаила и Алексея.

Они представлены держащими в руках своих изображение самого соборного храма, что означало его создателей: одного – основателя, другого – довершителя. Портреты имеют все достоинства оригинальности, и писаны при архимандрите Никоне, впоследствии патриархе всея России, между 1645 и 1648 годами, когда отстраивался храм и поставлялось тут царское место.

Смею еще добавить, что после Никона, много знателя художеств, у нас мало занимались портретною живописью, которая и возвратилась к своему младенчеству. Я помню Новоспасскую стенопись прежде ее поновления, и помню, что ни одна черта не могла равняться с этими портретами, как в чистоте рисунка, кистевой замашке, так и в колоритной отделке...

Царские портреты долго скрывались под иконами (со времен Софьи), их заслонившими, и открыты уже в 1837 году: нынешнему настоятелю, ревностно пекущемуся о благолепии храмов своей обители, а притом и любителю художеств (архимандрит Аполос), предстояло снова явить взорам россиян черты двух венценосных благодетелей России.

Подобно всем окрестным, и эта обитель испытала ужасы нашествия, потрясшие Россию в XVI и XVII столетиях. Исчезли дары и вклады великокняжеские: их истребили монголы Девлет-Гирея и ляхи Сигизмунда; а расхищения и грабежи в нашествии 20 народов довершили утраты, и набожные россияне, вместе с любителями отечественных древностей, обязаны благодарностию тогдашним инокам за сохранение чего-нибудь векового. Когда меч, лом и пламя истребляли все без пощады, когда алмазы и крупные изумруды отскакивали от клещей грабителей и терялись ими, когда огромные колокола, падая, разбивались один об другой, и сливались в потоках растопившейся меди, тогда старцы в последних напряжениях сил уносили святые памятники веков. И мы, среди многих новых и поновленных предметов,

Зимой у стен Новоспасского

еще видим остатки былого: там еще находим уцелевшие иконы и утварь, вклады патриарха Филарета, Великой старицы Марфы, царей Михаила, Алексея и Федора. Царь Михаил, между прочими дарами, принес драгоценнейшую служебную одежду, с кою ни одна в Москве не сравнится богатством.

Но эти остатки лишь напоминают нам о богатстве ризницы в XVII и XVIII столетиях; ибо, кроме венценосцев, были вкладчиками князья Сицкие-Ярославские, Катыревы и Лобановы-Ростовские, Репнины-Оболенские, Воротынские, Мстиславские, Голицыны, Черкасские, князь Дмитрий Михайлович Пожарский; бояре Романовы, Годуновы, Морозовы, Шереметевы, Стрешневы, Милославские. Сверх драгоценных утварей дары Великих князей, царей и вельмож были деньгами на строение, селами, мельницами, покосами, перевозами и рыбными ловлями.

Все это видно в монастырской книге, называемой Владычною. По указу Петра I вылит колокол в 1100 пуд. Огромную колокольную довершила Екатерина II. Как первостепенная обитель Новоспасская имела свое подворье в Кремле.

Я сошел в соборную усыпальницу. Здесь почил отец ангелоподобной Анастасии, Роман Юрьевич Захарьин. От имени этого боярина произошло прибавление к родовому названию Захарьин. Вот гробы ее братьев: Долмата и Данила, князя Василия Васильевича Сицкого-Ярославского, сына старшей ее сестры Анны Романовны, князя Михаила Трубецкого. Но вот из всех, почивших здесь,

прах любезнейший для России — это прах Великой старицы, инокини Марфы. Он вмещает в себе много размышлений о переменах в судьбе человеческой, о шаткости всего земного, и сколько трогательного для сердца! Инокиня Марфа — это Великая боярыня Ксения Захарьина-Романова, мать Михаила Федоровича Романова, нашего первого царя-государя из рода Романовых.

Я помолился ей путевой иконе, драгоценной для изыскателя остатков чистодревней иконописи, то есть византийско-русской, уже редких и в России. Эта икона Богоматери стоит ныне в соборном храме, за левым клиросом, и сохранилась от нашествия французов, от штыков, сабель и гвоздей, которые они вбивали в местные образа храмов для вешания одежд и оружия.

Тут же похоронены роды царей сибирских: Петра Алексеевича и Алексея Алексеевича, князей Куракиных, Оболенских, Гагариных, Дашковых; также роды Волынских, Бутурлиных, Еропкиных, Новосильцевых.

В подалтарных склепах лежат духовные: всероссийский митрополит Афанасий, митрополит Павел и архиепископ Леонид Сарайские и Подонские.

В монастырях, в этих обителях умертвия к земному, более всего занимает почившее там величие, тлеющая слава, именитость, красота, все, что гремело, светлело и пленяло на земле. Их гробы, сверх того, занимают мысль о нашем минувшем: стены и храмы обителей часто передают нам лишь свою историю, их гробы — историю царства и народа.

Я посетил усыпальницу Знаменского храма, возобновленного вельможею новейших времен, графом Н.П.Шереметевым. Здесь еще Романовы, Александр Никитич, Василий Никитич, Михаил Никитич, Иван Никитич, Никита Иванович, князь Борис Камбулатович Черкасский, Ирина Борисовна Шереметева, Федор Иванович Шереметев, гроб страдальцы Годунова времени княгини Евфимии Никитичны Сицкой-Ярославской, князь Алексей Юрьевич Сицкий-Ярославский, с ними лежат многие князья Сицкие, Катыревы и Лобановы-Ростовские, Куракины, Урусовы, Черкасские.

Я оставил отживших, и ступил на порог жизни, — но еще не земной: я посетил келию чтимого мною старца, Ф...та. Что редко, то и дорого: редуют на земле седые младенцы по слову Божию, эти нищие духом, но богатые радостью его спасения! Не должны ли мы искать остающихся для пользы ума и сердца, когда этот ум начнет сознаваться в своем несовершенстве, а это сердце уверяться, что пленялось тленом?

Еще раз поклонясь храмам обители, осмотрев ее здания, следы благочестия наших венценосцев и их вельмож; обошед стены и бойницы, заменившие те, с которых некогда громились толпы Казы-Гирея; любовавшись видами этого места, украшенного уступами и светлыми прудами, я простился с Новоспасским, и еще долго глядел на Москву, величественно обнявшую древние села Кучки; окинул взором окрестные дали, и сказал про себя: «Лишите некоторые места отечественных воспоминаний, — останутся лишь крутые холмы с прибрежными долинами; лишите воспоминаний памятники какой бы ни было страны, — большая часть представят взору невзглядные громады камней. Тоже было б и с этими видами, и с этими памятниками при остуде в нас патриотизма. Нет, места, прекрасные вдвойне! Наш взор привык любоваться вами, а сердце вас благославлять; с ваших холмов еще нам веет нашим родным минувшим, достойным памяти, — ваши камни говорят много тому, в ком еще не простыла Русская кровь!»

***

Солнце склонялось: но еще ярко горели куполы соборов московских. Я приближался к дымчатым башням, Симонова; смотрел на его тускло-зеленые главы, на окрестности, — и думал: «Есть места, которые много говорят сердцу: оне напоминают многое — всю жизнь!» Вспомнил младенческие богомолья с своим дядькою; вспомнил и первую молодость с ее кипящим порывом и первые наития задумчивости, которая с тех

пор никогда не покидала моей души. Она осталась ей верною и тогда, как романтические мечтания уступили во мне другому чувству: склонности внимать рассказам о родной старине и воскрешать ее воображением на самых местах событий.

Как часто, из-под тени этих вязов, смотрел я на Москву, на эту величественную громаду, которую белеется половина видимой дали; на извивистую реку, рассекаемую веслами разноцветных стругов; на берега, пестреющие то грядами земледельца, то пасущимся стадом; на зелень окрестностей, освещаемую вечерним солнцем, — и говорил себе: «Здесь оно видело Карамзина, задумчиво стоявшего!»

Вспоминание об этом муже слито с лучшим в моей жизни. Еще я не был ему известен, еще нигде с ним не встречался, как, посещая Симонов, часто думал: «Здесь великий писатель и друг добродетели провел много приятных часов своей жизни. Сюда от шумных городских бесед, унося избыток ощущений, он спешил вверять его кроткому чувству меланхолии, чувству, которое неизвестно ни слабому таланту, ни сердцу порочному. Отсюда одним взором он обнимал колыбель нашей славы — и ряд веков, пронесшихся над отечеством, уже мелькал ему своим теням.

Здесь воскресли пред ним патриархальные нравы и святые обычаи предков; и новый цветок его воображения исторгнул слезы не у одних юношей или воспоминателей своей молодости, но у всех сыновей отечества. Сюда приходил он, размышляя о нравах нашего века, о вредном воспитании, о светской суетности, и, вдохновленный природою и своим сердцем, замышлял мирить с добродетелью минутных друзей порока».

Здесь возрождалась наша словесность, и Гений отечества, еще сквозь туман романтических мечтаний, манил юношу в храм бессмертия. Такие мысли всегда сопутствовали мне в этих местах, сроднившихся с памятью Карамзина.

Я вступил в святую ограду, и поклонился храмам, ею обнесенным. Соборный является первый взору. Я прошел его преддверные обходы; осмотрел изображения; прочитал о времени его сооружения, и подумал: как правдиво сказал историограф, что Вера есть особенная сила Государственная, и что эта истина только для одних легких умов сомнительна: из пепла громимой Москвы возносились храмы, в те времена дивные величием.

Так вознесся и этот памятник двух важнейших эпох русского царства. Стены его означают древнейшее наше зодчество, которого образец храм Владимирский. Он

строился 26 лет при грозе Мамаев, Тохтамышев, Тамерланов; а пятиглавый верх его со сводами, воздвигнутый по разрушении старого громом, есть дело великого Иоанна и его славных зодчих. (Иоанн III, положив свою печать величия на все русское, превзошел предков и в старании созидать и украшать дома молитв, помня, что они дома Господни.) В этом храме, как и в московском соборном, соединен вкус византийский с идеальным, или, лучше сказать, с древним русским. В меньшем размере против кремлевского, он равно дивит согласием частей; суровая важность стили в верхней части и сводах внушает одинаковое чувство благоговейного трепета. И тот, и другой показывают, что гений художника воспользовался частью византийским, частью своим творческим, соединив их с памятью о храме Владимирском, то есть с идеалом времен Боголюбского, которому дивился Фиорованти.

Вот престол, после Троицкой Лавры, без сомнения, второй из существующих в России во имя святого Сергия. Можно думать, что он утверджен чрез 30 лет по его кончине, то есть при открытии его мошей, и мог быть освящен святым Фотием. Какой обители, прежде Симоновской, спешит было чествовать памяти Сергия, благословившаго ее!

Вот монумент первой победы над крымским ханом (в 1572): это придел во имя Происхождения Честных Древ. Россияне! Когда увидите вы годичный ход 1 августа, выносящий из этого храма кресты, хоругви и иконы к струям Москвы-реки, вспомните кровь отцов своих; не забудьте благословить и память их вождя, князя Михаила Воротынского, ставшего на костях и обратившего в бегство Девлет-Гирея!

При взгляде на этот храм, на этот монумент славному событию, еще более оживились они в душе моей... Но Симонову, хранителю этого знаменья, предстояло увидеть полки Девлетова преемника!

Вот Симоновская вышка, или каменная площадка, названная альтаном, с которой, во времена счастливейших, царевны смотрели на окрестность, любуясь, с одной стороны, красою природы, с другой, видом белокаменной. Что ж было до того, при событиях, современных ее началу?

Часто иноческая братия дрожащими перстами указывала с нее на юго-восточный горизонт! Когда сгушалось его синеве и темнело в Коломне, тогда на эту вышку всходили все иноки. Опытные говорили: «Это не туча: это прах от копыт... Идет Хан! Посылайте к старцам, чтобы молились». Местами столбилось курево пожаров.

**Симонов монастырь.
Романтика средневековья**

Чрез несколько часов конный топот и ржание, лес копий, покрывший равнину, мелькающий блеск мурзавецких панцирей, богатыри и наездники (от орд капчатской или крымской) в остроконечных шлемах, на диких армагаках, подтверждали приметы иноков: и старцы, то склонялись на по-мост келий, то спешили ко храму пасть пред образом крепкой помощницы (Одигитрии), который пребыл невредимым, когда верх собора был разрушен громом, пол и иконостас опалены молнией, — спешили туда молиться, не за себя: за дом Пречистыя и за Россию!

Снова темнело, — но уже близко — над головами, — туча стрел, как градова, разражалась над обителью. Муж и юноши спешили к бойницам.

Ходя внутри ограда, я окидывал взором стены и башни, современные, если не первым зданием Симонова, то верно украшениям времен Иоанна III; ибо впоследствии ни один из наших зодчих не воздвиг бы ничего простее, величественнее, соразмернее. С них громилась монголы еще одного непокоренного, и так еще ужасного нам племени, — думал я, — и воображал день битвы с Казы-Гиреем, день надежды и страха, «когда сильно трепетало сердце и в столетних старцах».

Страшен был этот день; радостен наступивший за ним, осветив бег Казы-Гирея; славен, ибо одоление сбылось при затруднительной войне со Швецией.

Благочестие Великих князей и царей русских приметно здесь, как и в некоторых других знаменитых обителях, но не многих в сравнении с Симоновым. Первые означили его сооружением начальных храмов и великими дарами, о коих сохранилосьписание; последние же многими зданиями во славу Божию и для своего моленного водворения: они почасту живали в местах, посвященных молитве; особенно же царя: Михаил, Алексей и Феодор; последний имел здесь и свои келии.

Не протекла во все последние пять столетий ни одна эпоха русского царства, не коснувшись Симонова. Громилась ли Москва полчищами ордынцев: первый их напор встречал Симонов. Здесь, на этом лугу, плакал юный Василий (впоследствии Темный), смотря на блестящие главы московских храмов, как бы прощаясь с ними навеки, и еще не зная, поведет ли Юрий под ним коня, или сам, в первом цвете юности, сложит державную главу свою у ног варвара. Совершалось ли великое одоление над супостатами: Симонов упрочивал помин его торжеством доколе стоит Россия. Покорялось ли их царство: слава события знаменовалась в нем памятниками.

В кровавые дни сиротевшей России доблестные иноки Симонова первые отбили от стен своих врагов-мятежников. Крепкие стены его укрыли дружины Пожарского, бившиеся над пеплом Москвы, и сохранили их ко дню избавления и славы. Симонов видел неудачные выступления ляхов против полков российских, прислонившихся к его стенам. Он видел погоню убийц за Прокопием Ляпуновым: святость места не только удержала их от злодеяния, но чудесно повергла к стопам сего мужа, тогда надежды государства.

Симонов увидел на своих бойницах смертоносные жерла Сигизмунда; но фитиль дрожал в руках зачинщиков: там, из мрака чудовской келии, из-под вериг, давивших осмидесятилетния рамена, износилось: «Не велю князю Пожарскому отступать; благословляю его и всех россиян биться до смерти за Веру и Отечество!»

Скажем наконец: здесь отзывались все перевороты, потрясавшие царство: стрельцы, язва с бурным ее последствием, нашествие Наполеона, когда все, что не сгорело в огне и не сгибло от меча, страдало в муках телесных или душевных, — одним словом, Симонов отдыхал — когда отдыхало отечество.

Я вступил в обитель тех, которые некогда были, действовали, замышляли, кипели желанием и надеждою, возносились и смирялись, ликовали и скорбели, и все свои земные упования вместили — тут. Покойся мирно, благую часть избравший, последний сын Донского Константин, и вы, Мстиславские, и князь Ховры, и Григорий, главный строитель обители, и Головины.

Началось вечернее пение. Показался ряд молчальников, приближаясь ко храму. Я последовал за ними под древние своды, хранящие в таинственном мраке своем чудотворную икону Богоматери. Раздались голоса, отвевающие от слуха и сердца все земное. Тут я вспомнил прежние посещения свои Симонова и действие на меня этих звуков.

Клиры замолкли; ряды затворников потянулись от двери храма, разошлись у порогов келий и скрылись.

Это единообразие — сказал я про себя — это неизменное тоже, страшное для рабов суеты, как отраднo, успокоительно рабам Господним, отверженным благ мотекущих!

Последний отблеск вечерней зари догорал и гаснул на крестах обители, — и я спешил посетить едва живого телом, но еще живого для молитвы и назидания душ: я спешил навестить отца П...на. Плоть его немощна и страждуща; дух же бодр, ибо бесконечное давно уже настало для него.

Как часто, по несколько часов сидя в его

Могилы Пересвета и Осляби, героев Куликовской битвы, в Старом Симонове

этом месте, благословенном великим светильником отечества».

Я оставил обитель, еще чувствуя присутствие этого земного ангела или небесного человека, чувствуя присутствие стольких святых душ, обменявших долгие сласти на те выпрепия, которых здесь ни око не видит, ни ухо не слышит, которые здесь и на сердце человеческое не взыдут.

Ночь уже темнила башни Симонова; часомерный их звон протяжно вторил кремлевскому. Казалось, два мира переключались с рубежей своих. Полный месяц, выплывая из-за тучи, тонул в струях реки, легким ветерком зыблемых, и серебрил Москву, заслонившую даль горизонта. Все было мирно и спокойно в почившей природе, все дружилось в ней с моими мыслями и чувствами, когда я возвращался к этой громаде жилищ. Но там еще не дремала суетность; еще кипели страсти; все куда-то спешило и утомлялось, не зная, когда и где отдохнуть... Страдальцы! Мы жаждем новизны, перемен для взора, слуха, всех ощущений, надеясь в них обрести искомый отдых, и не догадываясь, что порываемся к вечному... За час пред тем — я видел отдыхающих».

Публикация Н.М.Полуниной

келии, смотря на его бледное лицо, слушал советы более ста приходящим, замечая редкий дар трогать и убеждать каждого соответственно его понятиям и даже его наречию, — как часто я вспоминал предания о здешнем древнем Кирилле, коего слово, солию разума растворенное, изливало благодать, и всем было в сладость.

Иногда говорил он мне, что желает затвориться и начать житие молчаливое. Не смея советовать, я молил его пребыть полезным в мире для душ вращающихся, и замолкнуть уже в срок жизни, указанный некогда Богом святому Сергию.

Оставляя келию П...на и проходя ряд затворенных, я говорил себе: «Под эти кровы входил Радонежский, и к изумлению братии, минуя сродника архимандрита и старцев, искал новоначального Кирилла, и звал его на целые часы тихой беседы, чтобы воздвигать вместе бразду душевную, засеивать семенами добродетели и напоивать слезами, в ожидании радостной жатвы; между тем, как все окрестное поле уставлялось народом московским, который в безмолвном смирении ждал минуты его выхода, жаждающая увидеть святого».

Так говорил я — и внимал тайному шепоту: «Благодать Божия почиет и ныне на

Симонов 1-го класса ставропигиальный необшежительный мужской монастырь (ныне улица Восточная). Основан в 1370 г. Назван по имени монаха Симона, в миру боярина Ховрина, пожертвовавшего земли монастырю. К 1917 г. в монастыре было 6 храмов с 11 престоломи.

Просуществовав 553 года, монастырь закрыт в 1923 г. В январе 1930 г. взорваны большинство храмов и строений монастыря. Уничтожено кладбище. Усилиями нескольких людей были перенесены останки поэта Д.В.Веневитинова и писателя С.Т.Аксакова на Новодевичье кладбище.

На месте монастыря в 1932—1937 гг. построен Дворец культуры автомобильного завода им.И.А.Лихачева.

Ведется реставрация сохранившихся до наших дней храма Тихвинской Иконы Божией Матери и монастырских строений. Последний игумен Антоний, погибший на Соловках, причислен к лику новомучеников Российских.

Новоспаский 1-го класса ставропигиальный необшежительный мужской монастырь (ныне Крестьянская площадь). Основан в XII веке, переселен на теперешнее место в 1490 году. К 1917 г. в монастыре было 5 храмов с 13 престоломи.

Просуществовав более 700 лет, монастырь закрыт в 1918 г. Обращен в концлагерь, затем в тюрьму; позднее располагались разные учреждения и предприятия.

В 1990 году монастырь возвращен епархии. С 1991 г. возобновлена служба в главном соборе. Ведется реставрация монастырских строений.